

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

А.А.Куракина-Дамир

Испания: избирательный процесс в условиях фрагментации парламента

Кризис репрезентативности, с которым столкнулась Испания в ходе в ходе экономического кризиса, привел к политической апатии избирателей и оттоку значимой части электората двух ведущих политических партий страны. На этом фоне в середине второго десятилетия текущего века появились две новые партии, оттянувшие на себя 30% всех голосующих. Кроме того, вследствие эскалации каталонского кризиса в последние годы набирают мощь региональные политические объединения, выступающие за сецессию этой автономной области. Перечисленные факторы привели к усилению фрагментации нижней палаты испанского парламента и, как следствие, существенно усложнили политический процесс, в ряде случаев фактически заблокировав его. В новых условиях прошел ряд всеобщих парламентских выборов (2015, 2016, 2019, 2019 гг.), дважды повторных в силу невозможности сформировать кабинет министров. С одной стороны, расширение партийных предложений благотворно сказывается на восприятии политики избирателями, с другой, нежелание, а в ряде случаев невозможность, партийных лидеров искать компромиссные решения влекут за собой тяжелые политические и экономические последствия. Очевидно также, что институциональные механизмы, принятые на заре демократического транзита и прекрасно функционировавшие в условиях двухпартийной системы на протяжении почти 40 лет, в условиях многопартийности не работают и требуют реформирования.

Ключевые слова: Испания, выборы, многопартийность, фрагментация, формирование правительства, Каталония.

DOI: 10.31857/S0044748X0008705-4

Статья получена в редакции 15.12.2019.

10 ноября 2019 г. в Испании состоялись четвертые за последние четыре года всеобщие парламентские выборы (дважды — повторно). Частота выборов и нестабильность политического процесса в стране стали следствием многопартийности, сменившей систему несовершенного бипартизма в 2015 г.

Александра Андреевна Куракина-Дамир — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Иберийских исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, kurakina.alex@gmail.com).

В начале второго десятилетия текущего века королевство столкнулось с острым кризисом репрезентативности, проявившимся в массовых акциях протеста. 2011 г. прошел под девизом движения 15М «Они нас не представляют». Падение реальных доходов населения, высочайший уровень безработицы и проводимая правительством политика аскетизма вызвали сильную радикализацию испанского общества и привели к формированию «критической массы» непримиримых оппонентов действовавшего на тот момент руководства [1, с. 31]. Недовольство функционированием испанской демократии достигло пика (77%) в 2012 г. [2, с. 23]. Уровень недоверия политическим институтам и власти в целом оставался стабильно высоким. В 2011 г. 51% опрошенных граждан утверждали, что ведущие партии представляют только собственные интересы [3]. В рейтинге основных проблем Испании партии и политики вышли на второе место после безработицы. Все чаще раздавалась критика элит, которые, по мнению общественности, узурпировали политические институты и уже не выражали волю граждан. Электоральными проявлениями кризиса доверия стали снижение поддержки обеих ведущих политических сил — Испанской социалистической рабочей партии (Partido Socialista Obrero Español, PSOE) и Народной партии (Partido Popular, PP), — и падение уровня участия в выборах. Если в 2004 г. явка составляла 75,66%, то с 2008 г. она начала планомерно снижаться (в 2008 г. 73,85%, в 2011 г. 68,94%, в 2015 г. 69,97%, в 2016 г. 66,48%).

По итогам парламентских выборов 2011 г. с формальной точки зрения система оставалась прежней. PP получила абсолютное большинство в Конгрессе депутатов и сформировала однопартийное правительство. Тем не менее такие важные с политологической точки зрения показатели, как волатильность электората, партийная фрагментация и снижение уровня концентрации голосов PP и PSOE свидетельствовали об обратном [4, с. 142]. Общий индекс волатильности составил 16,4 (6,0 — внутриблоковая, 10,4 — межблоковая). Количество парламентских партий выросло с 10 до 13. Представительство малых и региональных партий увеличилось с 27 до 54 мандатов: региональные увеличили свое представительство с 24 до 38 мест, малые общенациональные Объединенные левые (Izquierda Unida, IU) и выступающая против периферийного национализма «Союз, прогресс и демократия» (Unión, Progreso y Democracia, UPyD) — с 3 до 16. Сумма голосов, отданных за две ведущие партии по сравнению с предыдущими выборами, упала на 10 пунктов. Потери социалистов составили более 4 млн избирателей, главными бенефициарами чего стали PP, IU и UPyD.

Смена правительства не принесла ожидаемого улучшения благосостояния. PP продолжила курс на сокращение расходов на социальные нужды, что значительно усугубило политический кризис. Широко распространились фрустрация в отношении к демократическому процессу и ощущение «Демократии без выбора», которые усилили кризис репрезентативности. При этом две существующие малые партии общенационального масштаба — IU и UPyD — также не удовлетворяли разочаровавшихся избирателей ввиду своей слабости и принадлежности к «касте» [5, с. 23]. Появился значимый запрос со стороны общества на новые политические силы, способные воспринимать нужды общества и должным образом на них реагировать. И если социалисты лишились большей части

своих сторонников накануне выборов 2011 г., то в 2012 г. последовала демобилизация электората консерваторов, но в отсутствие выборов она прошла незамеченной [6]. В 2013 г. 3/4 испанцев одобряли появление новой партии. В стране сложилась беспрецедентная ситуация: количество тех, кто не хотел участвовать в выборах или не знал, за кого отдать свой голос, превысило количество тех, кто планировал проголосовать за одну из двух основных политических сил.

Кроме того, массовые акции протеста стали толчком к консолидации избирателей нового поколения — с более высоким уровнем образования и цифровой грамотности, критически относящихся к событиям, происходящим в стране и за рубежом, не имеющих идеологической привязанности к традиционным партиям, способных с помощью своего голоса выразить недовольство политическим и экономическим курсом, проводимым правительством. В отличие от старшего поколения их не преследовали «призраки франкизма». Ввиду естественных причин с течением времени процентное соотношение тех избирателей, которые прошли этап взросления в условиях франкизма, и тех, кто вырос при демократии, менялось. Критическая отметка в 50% была преодолена в период 2004—2008 гг., а в 2011 г., согласно данным испанского Центризбиркома, к более молодой группе принадлежало 53,9% избирателей, в то время как в 2016 г. эта цифра возросла почти до 60%.

На этом фоне в условиях серьезного недовольства традиционными партиями и роста политической активности в молодом сегменте испанских избирателей в электоральном пространстве появилось два новых актора — левая популистская антиэлитарная партия Podemos («Мы можем!»), представители которой в первые годы утверждали, что она находится вне идеологического спектра, и выступавшая ранее с позиций антисепаратизма каталонская Ciudadanos («Граждане»), основанная в 2006 г. в Барселоне. У новых партий был ряд преимуществ, в частности, отсутствие отягощающего «бэкграунда» (и как следствие — проблемы доверия), ярко выраженная эмпатия по отношению к пострадавшим от кризиса (особенно это касалось Podemos, вероятно, благодаря профессиональному умению считывать и анализировать данные соцопросов), мобилизующий и эмоциональный характер речей первых лиц. Кроме того, новые лидеры представляли поколение, родившееся после восстановления демократии, получившее прекрасное образование, эффективно использующее новые технологии [7, с. 86].

Согласно предвыборным опросам, все четыре партии (PP, PSOE, Podemos, Ciudadanos) имели сравнимые шансы — разрыв между ними был незначительным и находился в рамках статистической погрешности. Всеобщие выборы 20 декабря 2015 г. ознаменовали конец эпохи двухпартийности, а высокий уровень фрагментации нижней палаты испанского парламента открыл новый период политической истории страны — период нестабильности и неопределенности.

Появление новых игроков благотворно сказалось на явке избирателей и существенно сократило количество незаполненных и испорченных бюллетеней (первых — с 1,37% до 0,75%, вторых — с 1,29% до 0,89%). Возникновение новых жизнеспособных партий общенационального масштаба положительно сказалось на восприятии общественностью политического

процесса, но в то же время существенно его усложнило. В новых условиях, когда доля региональных сил осталась примерно на уровне 2008 г., а почти 92% мест в Конгрессе депутатов было поделено между четырьмя, а не двумя партиями, прийти к консенсусу относительно того, кто возглавит правительство, было невозможно.

По итогам выборов места в парламенте распределились следующим образом: PP — на первом месте со 123 депутатами (28,72% голосов), за ней PSOE — 90 (22,01%), Podemos — 69 (20,66%) и Ciudadanos — 40 (13,93%). IU, выступавшая под маркой «Народное единство сообща» (Unidad Popular en Común), заняла лишь восьмую строчку, получив 2 депутатских мандата. Она оказалась в самом невыгодном положении — Podemos выступала в том же сегменте идеологического спектра и в большинстве избирательных округов смогла «перетянуть на себя» голоса более опытного конкурента. В итоге, несмотря на набранный миллион голосов (3,67%), наследнице коммунистической партии удалось получить лишь 2 кресла от столичного региона.

В региональном блоке лидерство принадлежало выступавшим за выход Каталонии из состава Испании Левым республиканцам Каталонии (Esquerra Republicana de Catalunya, ERC-CATSI) — 9 мест; предвыборный альянс «Демократия и свобода» (Democràcia i Llibertat, DL) получил 8 мест, Баскская националистическая партия (Partido Nacionalista Vasco, PNV) — 6, баскские радикалы (Единство Страны Басков (Euskal Herria Bildu, EH Bildu) — 2, Канарская коалиция (Coalición Canaria, CC) — 1.

Две ведущие партии в сумме набрали чуть менее 51% голосов, в то время как за новичков проголосовало 34%. UPyD лишилась представительства, IU и малые региональные силы получили чуть менее 15% и 2,7 млн бюллетеней (всего на 200 тыс. меньше, чем малые региональные силы в одиночку четыремя годами ранее в условиях бипартийности). Возможностей для создания жизнеспособных правительственных коалиций в данных условиях было немного. Балом правили четыре сильных игрока, каждый из которых в силу партийных амбиций не был готов идти на существенные уступки своим конкурентам.

На пост председателя испанского правительства выдвигались лидеры консервативной (Мариано Рахой) и социалистической (Педро Санчес) партий. Для избрания им необходимо было получить поддержку абсолютного большинства депутатов конгресса (176 человек) в первом туре или относительного большинства (больше голосов за, чем против) во втором через 48 часов после первого голосования. Правый блок (PP + Ciudadanos) насчитывал 163 депутата. Левый (PSOE, Podemos, Compromís, IU) — 161. И тому, и другому необходимо было заручиться поддержкой извне, но прибегать к помощи региональных (прежде всего каталонских) сил они не могли, поскольку это грозило высокими электоральными потерями. Также выдвигалась идея образования большой коалиции по аналогии с немецким вариантом — консерваторы плюс социалисты, однако и те, и другие ее не поддерживали. Идеологический и психологический разрыв между двумя ведущими партиями был слишком глубок. В этих условиях PSOE начала переговоры с Podemos и Ciudadanos. И если первые постоянно срывали процесс, выдвигая не всегда адекватные требования лидеру социалистов, со вторыми соглашение было подписано. Оно и стало формальным поводом для разрыва отношений

между популистами и социалистами. Реальной же причиной было желание Podemos на повторных выборах стать главной оппозиционной силой, обогнав социалистическую партию как по голосам избирателей, так и по количеству депутатов (на предыдущих выборах разрыв составил менее 350 тыс. голосов). Популистская Podemos была на волне успеха, которому сопутствовал и расцвет популизма в других странах Европы.

В глазах избирателей нежелание лидера Podemos П.Иглесиаса договариваться оказалось препятствием на пути к формированию правительства несостоявшейся легислатуры. Столкновение интересов всех четырех акторов привело к тому, что правительство не было сформировано, Конгресс депутатов распустили и назначили новые выборы.

В преддверии повторных выборов на левом фланге произошли важные изменения. Podemos решила объединить усилия с IU и обойти социалистов как по голосам, так и по количеству представителей. Однако арифметические расчеты пошли в разрез с реальностью. В контексте многопартийной системы, когда ни одна из сил не обладала полнотой власти, достаточной для формирования однопартийного правительства, первостепенными по значимости стали два фактора — ретроспективная оценка деятельности партий и способность к заключению постэлекторальных правительственных союзов. Несостоятельность политического истеблишмента активизировала рациональный тип голосования, при котором избиратель руководствуется не личной привязанностью, а расчетом — кто из участников может победить или с кем скооперироваться.

По результатам повторных выборов, состоявшихся 26 июня 2016 г., позиции партий распределились следующим образом. Лидерство сохранили PP — 137 депутатов, на втором месте PSOE — 85, UP — 71, Ciudadanos — 32. В региональном блоке первое место осталось у ERC — 9; «Демократическая конвергенция Каталонии» (Convergència Democràtica de Catalunya, CDC), выступавшая на предыдущих выборах под маркой DL, получила 8 мест, PNV — 5, EH Bildu — 2, CC — 1. По сравнению с предыдущими выборами явка снизилась на три пункта. Традиционные партии укрепили свои позиции (на 9 депутатских мест и около 0,5 млн голосов), новые — ослабили (минус те же 0,5 млн голосов и 6 депутатских мест). Левый блок лишился чуть более миллиона голосов, на которые так рассчитывал П.Иглесиас, объединяясь с IU, в то время как правый укрепил позиции на 300 тыс. голосов и перенял лидерство. Малые региональные силы потеряли 1 место. В целом расклад изменился незначительно, что не решило проблему образования правительства.

Вариант создания большой коалиции все так же решительно отвергался обоими лидерами политического процесса. Правый блок, увеличивший свое представительство до 169 депутатов, даже с привлечением идеологически близких региональных CC и PNV набирал только 175 голосов, левый — лишь 156. Правительство, какого бы «цвета» оно ни было, могло быть образовано лишь при активной или пассивной поддержке региональных партий, выступающих за сецессию Каталонии, что могло стать бомбой замедленного действия. Трехпартийный альянс PSOE — UP — Ciudadanos набирал достаточное количество голосов, однако из-за антагонизма двух последних партий создать его было невозможно.

Чтобы избежать третьих выборов, социалистам пришлось воздержаться при голосовании по кандидатуре на пост председателя кабинета министров — беспрецедентная ситуация в истории демократической Испании. Это привело к тому, что П.Санчес, возглавлявший PSOE, покинул свой пост в знак протеста против принятого руководством партии решения.

На протяжении следующего электорального цикла можно выделить несколько реперных точек. Это — внутрипартийные кризисы PSOE, UP и PP; эскалация каталонского кризиса; вынесение приговора по делу о коррупции, в котором было замешено руководство консерваторов; импичмент правительству PP и формирование миноритарного правительства социалистов; потеря ими поддержки бывших союзников; невозможность принять бюджет на 2019 г. и как следствие — назначение досрочных выборов. Каждый из этих факторов оказывал серьезное влияние на позиции партий в электоральном рейтинге. Одним из событий этого периода, на котором стоит остановиться отдельно, стали состоявшиеся в конце 2018 г. региональные выборы в Андалусии — традиционно левом регионе. Их итоги многие обозреватели назвали «политическим цунами». Успех партии, еще недавно являвшейся аутсайдером — популистской праворадикальной Vox (лат. «Голос»), — привел в недоумение участников процесса: ей удалось получить 12 мест в парламенте Андалусии. При этом лучшие результаты она получила в крупных и средних городах, а также там, где избиратели имеют высокие доходы, а не в сельской местности, как предсказывали аналитики. Сумма мест партий правого блока составила 49, левых — 39. Это означало конец 40-летнего господства социалистов в регионе. После трехнедельных переговоров было сформировано первое в истории региона правительство правого блока (PP и Ciudadanos при поддержке Vox) [8].

Накануне досрочных всеобщих выборов, назначенных на 28 апреля 2019 г., PSOE была в самом выгодном положении. П.Санчесу удалось снять все вопросы относительно своего лидерства [9, с. 62]. Одержав уверенную победу на первичных выборах в мае 2017 г. и заняв пост генерального секретаря, он смог консолидировать партию, а успешная процедура импичмента в июне 2018 г. послужила стартом роста электоральной поддержки.

Позиции консервативной партии были не настолько сильны — сказались обвинительный приговор по «Делу Гуртель»* и вотум недоверия правительству. Соцопросы прогнозировали заметное снижение электоральной поддержки. Сменивший на посту председателя PP М.Рахой молодой

* «Дело Гуртель» (2009—2018) — крупнейший коррупционный скандал в Испании. Кодовое название было дано делу в связи тем, что главный обвиняемый — бизнесмен Франсиско Корреа (с испанского языка Correa переводится как «ремень», это же слово на немецком — *Gurtel*). В ходе следствия впервые в истории королевства в качестве свидетеля был допрошен действующий премьер-министр страны М.Рахой, глава правящей на тот момент PP. По итогам расследования, в частности, к 33 годам тюрьмы и 44 млн евро штрафа был приговорен бывший казначей PP Луис Барсенаса. Никаких нарушений со стороны прочих представителей руководства партии выявлено не было, однако ее оштрафовали на 245 тыс. евро за прошлые случаи коррупции. Обвинительный приговор был вынесен в отношении 29 из 37 фигурантов «дела Гуртель». Организатор схемы Ф.Корреа был приговорен к 51 году тюрьмы. — *Прим. ред.*

Пабло Касадо (род. в 1981 г.) представлял правое крыло партии, близкое к бывшему лидеру консерваторов Хосе Марии Аснару и бывшему сенатору, министру и президенту автономного сообщества Мадрид Эсперансе Агирре. При неудовлетворительном результате 28 апреля ему было не избежать жесткой критики со стороны более известных и опытных однопартийцев.

Ситуация внутри партии UP также была не из лучших. Выход из партии второго лица — Иниго Эррехона, неоднозначная реакция прессы на покупку лидером партии дорогой недвижимости [10] и семейные проблемы (летом 2018 г. у Пабло Иглесиаса и его супруги и спикера партии Ирены Монтеро преждевременно родились близнецы, после чего молодые родители один за другим взяли трехмесячный отпуск по уходу за детьми, вынужденно отстранившись от активного участия в политике) усилили отток сторонников партии.

Начало 2018 г. ознаменовалось сильным ростом поддержки Ciudadanos. После победы на выборах в каталонский парламент многие видели партию как реальную альтернативу PP и PSOE и даже предсказывали победу на гипотетических парламентских выборах. В мае 2018 г. правоцентристы могли получить 28,5% голосов и 108 мест вместо 13% бюллетеней и 32 представителей в 2016 г. Картина радикально поменялась после импичмента — первенство перехватили социалисты, а кризис в рядах консервативной партии и рост влияния Vox усилил фрагментацию правого спектра и потенциальную внутриблоковую волатильность.

В то же время ультраправая партия застыла в ожидании успеха. Коррупционные скандалы и каталонский кризис принесли ей большое количество избирателей из лагеря сторонников PP, а хорошие результаты на выборах в Андалусии обеспечили бывшего аутсайдера необходимой медийной поддержкой и дали основания прогнозировать дальнейший рост.

Многочисленные социологические опросы предсказывали уверенную победу социалистов. Им прогнозировали до 30% голосов и до 139 мест в парламенте. На втором месте должна была оказаться PP — до 20% голосов и до 100 депутатских мандатов. Около 16% поддерживали Ciudadanos, что могло им принести до 56 кресел. На четвертом месте оказалась UP с результатом в 11-13% и 28-32 местами в нижней палате. На пятом — Vox, за которую планировало отдать свои голоса от 10 до 21% избирателей. Многие аналитики сходились во мнении, что Vox могла показать непредвиденно высокие результаты ввиду того, что значительная часть опрошенных по тем или иным причинам могла скрывать намерение проголосовать за эту партию (так называемые скрытые голоса), как произошло в Андалусии несколькими месяцами ранее. Доля неопределившихся составляла около 40% вплоть до начала голосования [11].

При рекордной явке 75,75% победа социалистов была очевидна. Они получили больше депутатских мандатов, чем в 2011 г. в условиях бипартийности, прирост голосов по сравнению с 2016 г. превысил 2 млн, на 700 тыс. больше, чем потеряла UP. Социалисты завоевали большинство в 41 из 52 провинций, в том числе впервые одержали победу в Галисии — традиционно синем регионе. Больше всего новых мест партия получила в Каталонии (5), за ней следовали Валенсия, Андалусия, Галисия и Мадрид (по 4 мандата), на третьем месте Кастилья-и-Леон (3).

Ciudadanos увеличила свое представительство с 32 до 57 депутатов, а прирост голосов составил 1 млн. С четвертого места в 2016 г. партия поднялась на третье. Своему главному конкуренту — консервативной партии — Альберт Ривера, тогдашний лидер Ciudadanos, уступил лишь 200 тыс. голосов (менее 1%), что дало ему надежду претендовать на ведущую роль в правом секторе.

Радикализация риторики и сдвиг вправо не лучшим образом сказались на результатах, достигнутых РР. Партия потеряла более 3,5 млн голосов (примерно настолько нарастили свою электоральную базу партии Vox и Ciudadanos) и лишилась 71 представителя в парламенте. Особенно болезненными были потери консерваторов в Андалусии, Стране Басков, Галисии и Каталонии. В Басконии РР не смогли получить ни одного мандата (даже в исконно консервативной провинции Алава, где списки возглавлял Хавьер Марото, экс-мэр г. Витории, вице-секретарь РР, отвечавший за предвыборную кампанию). В Каталонии эта партия получила лишь один голос, сократив свое представительство на 5 мест, в Андалусии потеряла 12 мест, 6 из которых перешли Vox, 4 — Ciudadanos, а оставшиеся 2 — PSOE. UP не смогла повторить успех 2015—2016 гг., потеряв 1,3 млн своих сторонников и 29 депутатских мест.

Среди малых региональных партий позиции распределились следующим образом. В Каталонии со второго места на первое перешла ERC с 15 депутатами (+3), на второе с четвертого — местное отделение социалистической партии (12), на третье с первого опустилась коалиция, возглавляемая местным отделением UP, «Сообща можем — добьемся перемен!» (En Comú Podem — Guanyem el Canvi, ЕСР), получив 7 вместо имевшихся 12 мандатов. На четвертом месте обосновалась новая партия «Вместе за Каталонию» (Junts per Catalunya, JxCat) с 7 мандатами. На 2 депутатских места меньше досталось Ciudadanos. РР и Vox получили по одному представителю, потери консерваторов составили 5 портфелей. Таким образом, партии, выступающие за независимость Каталонии (ERC и JxCat), получили самый высокий процент голосов на парламентских выборах современной Испании. По итогам выборов заметно выросло как количество самих партий (с 9 до 13), так и число депутатов от малых партий. Это еще раз подтвердило тезис о высокой степени поляризации и фрагментации как общества в целом, так и нижней палаты парламента.

В сумме левый блок получил на 43,8 тыс. голосов и 18 мест больше, чем правый, однако и те, и другие были далеки от абсолютного большинства, что существенно усложнило процесс формирования правительства. Для бизнес-элит Евросоюза и Испании в целом оптимальным было бы коалиционное правительство PSOE и Ciudadanos. Уверенное большинство позволяло бы проводить через парламент необходимые реформы, а умеренная либерально-демократическая партия проевропейской направленности могла бы принести королевству столь необходимую стабильность [12]. Однако и те, и другие неоднократно категорически отвергали возможность такого союза. Альтернативой мог бы стать альянс левых сил и малых партий, не поддерживающих независимость Каталонии. Но в этом случае союзу не хватило одного депутатского мандата.

Проблема состояла не только в том, чтобы получить достаточную поддержку в процессе формирования правительства, но и в том, чтобы избранное правительство было стабильным, сильным и работоспособным.

После подведения итогов выборов (всеобщих парламентских, в Европарламент, а также региональные и местные органы власти, состоявшиеся через месяц после всеобщих) партии определились со своими стратегиями. Социалисты не были настроены на формирование коалиционного правительства и всячески саботировали переговорный процесс. UP, напротив, требовала предоставить себе ключевые позиции в будущем кабинете министров. Консерваторы, проделав работу над ошибками после худшего в своей истории результата, перешли к умеренной риторике в попытке привлечь отвернувшихся от них избирателей. Либералы, в свою очередь, продолжали атаковать лидера социалистов, подрывая доверие к нему со стороны левого и левоцентристского электората. Это стало причиной внутрипартийного кризиса, который привел к выходу из партии ключевых фигур, стоявших у истоков *Ciudadanos*. *Vox* — главный дебютант национальной политики — неоднократно прибегала к неконвенциональному поведению и эпатажу, дабы привлечь внимание прессы.

Вялотекущий переговорный процесс, закончившийся взаимным «выламыванием рук» левоцентристов и крайне левых закончился роспуском парламента и назначением новых выборов, на которых PSOE планировала улучшить свои результаты, UP вернуть потерянных избирателей, *Ciudadanos* обогнать PP, консерваторы укрепиться, а *Vox* повторить успех и превзойти предыдущие результаты. Не все из этих сценариев были реализованы.

Накануне повторных выборов 2019 г. PP, озабоченная усилившейся фрагментацией правого блока, предложила *Ciudadanos* и *Vox* объединить усилия и выступить единым блоком под маркой *España Suma*. Однако правила арифметики не всегда работают в электоральном пространстве. Многие избиратели, отвернувшиеся от консерваторов в предыдущие годы, могли не поддержать инициативу и просто не дойти до избирательных участков в знак протеста. Этого, очевидно, опасались лидеры *Ciudadanos* и *Vox* Альберт Ривера и Сантьяго Абаскаль. Предложение не было принято.

В условиях нарастающего разочарования в партиях левого блока, не способных найти компромисс и сформировать правительство, бывший соратник П.Иглесиаса И.Эррехон решил на переход из региональной в национальную политику, образовав партию «Больше страны» (*Más País*, MP). MP выставила свои кандидатуры лишь в крупных избирательных округах, где недовольные бывшие сторонники П.Санчеса и П.Иглесиаса вместо неучастия в выборах могли предпочесть нового игрока. Эта стратегия могла бы сработать, учитывая традиционную пассивность левого электората в условиях политической апатии. Личность лидера была широко известна и поддерживалась значимой частью избирателей UP. К тому же за весьма короткое время Эррехону удалось добиться поддержки региональных союзников UP. Однако вынесение приговора по каталонскому процессу и последовавшие вслед за ним недельные массовые беспорядки с применением насилия, поджогами и перекрытием автомагистралей прак-

тически вывели МР из электорального контекста — все внимание прессы и общественности было привлечено к событиям в проблемном регионе, а не проблемам экологии, феминизма и снижения возраста голосования, на которые делал ставку И.Эррехон.

Перед повторными выборами 2019 г. положение А.Риверы было самым уязвимым. С одной стороны, он дольше своих конкурентов возглавлял свою партию. С другой — все соцопросы предсказывали значительное падение его поддержки (его могли обогнать UP и Vox). Тема смены лидера перестала быть табуированной.

Выборы 10 ноября 2019 г. определили новую расстановку сил. Главной сенсацией стали стремительное падение рейтингов Ciudadanos, потерявшей 47 из 57 мандатов, и такой же стремительный рост влияния ультраправых, увеличивших свое представительство в Конгрессе депутатов более чем в два раза. В целом результаты выглядели следующим образом: PSOE — 120, PP — 89, Vox — 52, UP — 35, ERC — 13, Ciudadanos — 10, JxCat — 8.

Испанские социалисты ожидаемо добились большинства (26% голосов и 120 мест депутатов), а консервативная партия расположилась на втором месте, значительно увеличив свое представительство (20,82%, 89 мест). Однако в остальном нижняя палата парламента нового созыва мало чем напоминала предыдущую. Главным триумфатором стала ультраправая партия Vox, получившая на 1 млн голосов больше, чем в конце апреля, и увеличившая свое представительство с 24 до 52 депутатов. Основным проигравшим — правоцентристская либеральная Ciudadanos, потерявшая 2,5 млн голосов поддержки и 47 кресел в парламенте. UP лишились чуть более 600 тыс. голосов и 7 депутатских мест. Дебютировавшая партия МР, провела трех своих депутатов, а внесистемная каталонская «Кандидатура народного единства» (Candidatura de Unidad Popular, CUP) — 2. Еще одним новичком в парламенте стала партия «Теруэль существует!» (Teruél existe!), получившая 1 место. Общее количество партий увеличилось с 13 до 16. В сенате — верхней палате парламента — социалисты потеряли абсолютное большинство мест (92 вместо прежних 121), а консерваторы увеличили свое представительство с 56 до 84.

PSOE и UP в течение 48 часов после закрытия избирательных участков подписали соглашение о коалиционном правительстве, в котором роль второго вице-президента была отведена П.Иглесиасу. Ключевыми игроками по-прежнему оставались каталонская ERC и Ciudadanos. И если последняя отказывалась даже от пассивной поддержки, предлагая в свою очередь вариант трехсторонней коалиции PP — Ciudadanos — PSOE и обещая взять на себя роль переговорщика между социалистами и консерваторами, первая активно участвовала в переговорном процессе. Первое в истории современной Испании коалиционное правительство было сформировано в начале января.

Повышенная фрагментация испанского парламента как на национальном, так и на региональном уровнях порождает ряд вызовов испанской демократии. Их можно разделить на два больших блока: связанных с электоральным процессом, а также функционированием правительства и парламента в целом. В ряде автономных сообществ, с учетом

региональных партий, число кандидатов в бюллетенях существенно возросло. Это усложнило процесс выбора и привело к сохранению высокой доли волатильных и неопределившихся избирателей вплоть до момента голосования.

Правый и левый блоки насчитывали примерно одинаковое количество сторонников (на парламентских выборах 2019 г. левый блок получил 43,65% голосов, правый — 42,86%; соотношение мандатов — 165 и 147, соответственно), но, голосуя за отдельную партию, избиратель фактически голосовал за блок в целом. Благодаря партнерам по блоку даже аутсайдер процесса сохранял шансы войти в правительство, а победа на выборах уже не гарантировала возможности встать у руля. Таким образом, основная функция выборов — поощрение успешного правительства и наказание неудачного — ставится под вопрос. Эта ситуация может оказаться угрозой социальной стабильности. С другой стороны, неверно выбранная стратегия одной из партий может крайне негативно сказаться на результатах всего блока.

К 2019 г. новые партии институализировались, старые сменили лидеров на более молодых и сделали упор на обновление своего состава. Голосование стало менее импульсивным и более рациональным, однако многие проблемы, проявившиеся в 2015 г., сохранились. Фактически с 2015 г. политический процесс оказался заблокированным. Конгресс депутатов по итогам трех последовательно прошедших выборов оказывался поделен на два блока, ни один из которых не имел достаточной для нормального функционирования поддержки, а малые региональные партии не гнушались использовать политический шантаж. В первом (2015 г.) и третьем (2019 г.) случаях это привело к роспуску парламента и повторным выборам. Во втором (2016 г.) миноритарное правительство с большим трудом было образовано, но впервые в истории современной Испании было смещено в результате успешно проведенной процедуры импичмента.

Победившая партия довольно долго фактически могла проводить свою линию, без оглядки на оппозицию. В ситуации многопартийности каждое правительственное решение приходится обсуждать. В то же время по целому ряду вопросов программные предложения новых партий, особенно ультраправой и ультралевой, выходят за рамки общеевропейской политики и компетенций Испании, а значит, мало реализуемы на практике.

Нестабильные правительства, невозможность выбора правительства, а также успешно проводимые процедуры импичмента могут надолго стать отличительными чертами страны. Политические объединения по-прежнему склонны устанавливать себе заградительные барьеры, чтобы не вступать в коалицию с теми или иными силами. Политика противостояния, проводимая традиционными партиями с конца 1990-х и в 2000-х годах, сохраняется. Хрупкое соглашение, достигнутое в 2016 г. между социалистами и А.Риверой, не выдержало испытания каталонским кризисом и стремлением П.Санчеса к власти. Политика поиска консенсуса и компромиссов — пока недосягаемый идеал. Кроме того, в правом блоке идет своя война за лидерство, что осложняет ситуацию. Впервые с 1990-х годов Испания

прожила без утвержденного бюджета больше года и продолжает жить дальше, что негативно сказалось на политической стабильности и имидже государства на международных рынках.

Множатся линии водораздела. Несмотря на то, что деление на старые и новые партии уходит в прошлое в связи с институализацией Podemos и Ciudadanos, в политической структуре страны возникают новые противоречия. В данный момент наиболее остра грань между националистами и юнионистами. Анализируя итоги выборов, партийные лидеры и стратеги часто оперируют полученными голосами, хотя испанская избирательная система довольно сложна и не является строго пропорциональной. При одинаковом количестве бюллетеней разница в количестве депутатов может быть весьма значительной.

Вследствие сохранения высокого уровня фрагментации и поляризации партиям сложно определить контуры минимально выигрывающей коалиции. Для обеспечения стабильной работы правительства основной задачей кандидата на пост председателя кабинета министров является создание коалиции с солидным запасом прочности, чтобы при выходе из нее одного из участников кабинет не остался без необходимой поддержки. Летом 2019 г. социалисты предпочитали однопартийное правительство, апеллируя к широкой поддержке электората, в то время как UP пыталась максимально монетизировать свои голоса. Ciudadanos, несмотря на значительное давление со стороны различных сил (бизнес-элит, бывшего председателя правительства PP М.Рахоя, французских коллег, собственных товарищей по партии), не собиралась «снимать санитарный кордон» с возможности пойти навстречу П.Санчесу и хотя бы воздержаться при голосовании. Определенные попытки сближения с будущим правительством были предприняты со стороны малых региональных партий, в том числе находящихся в заключении представителей каталонских сепаратистов, которые стремились склонить коллег из Конгресса депутатов поддержать лидера социалистов, не требуя чего-либо взамен. Малые региональные партии (PNV, ERC, EH Bildu, Compromís и PRC) перед угрозой повторных выборов оказывали давление на П.Иглесиаса с тем, чтобы он отказался от своих притязаний на министерские портфели, и неофициально выражали свою готовность не голосовать против потенциального правительства П.Санчеса. 66 депутатов PSOE подписали письмо лидеру PP с просьбой воздержаться при голосовании по кандидатуре председателя будущего правительства, как они это сделали тремя годами ранее, чтобы разблокировать политический процесс. П.Касадо категорически отверг предложение, заявив, что вотум о недоверии кабинету М.Рахоя, проведенный П.Санчесом в 2018 г., делает невозможными любые попытки к сближению.

В свете последних событий лидеры PP и PSOE обсудили необходимость реформирования ст. 99 испанской Конституции, определяющей процедуру избрания председателя правительства. По итогам обсуждения они пришли к выводу, что процедуру необходимо изменить, чтобы в дальнейшем избежать политического тупика, в котором страна оказалась второй раз за четыре года. Новая политическая реальность Испании — реальность договоров, пактов, консенсусов. Время договариваться, время слушать и слышать, обсуждать. Потенциал политики

максимализма иссяк с окончанием эпохи возможного абсолютного большинства. Проблема заключается в том, что лидеры традиционных партий часто продолжают действовать, как в эпоху двухпартийной системы, что не соответствует нынешним реалиям.

Ситуация осложняется и тем, что внутри блоков также царит напряженная атмосфера и происходит борьба за лидерство. В правом блоке Ciudadanos долгое время отказывалась идти на контакты с Vox, опасаясь конфликта с коллегами из ЕС, а Vox в ответ блокировала представителей консервативной партии в ряде регионов. Несмотря на успешное формирование кабинета министров, между П.Санчесом и П.Иглесиасом сохраняется высокий уровень недоверия и антагонизма.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что испанская политическая система сегодня переживает сложный период трансформации, сравнимый с этапом демократического транзита. Новые вызовы требуют новых ответов и, возможно, новых лидеров. Будут ли эти ответы даны сейчас или Испании придется ждать еще несколько лет, мы увидим в ближайшее время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Яковлев П.П. Кризис и политический поворот в Испании. *Латинская Америка*. М., 2012, № 4, сс.25-42. [Yakovlev P.P. Krizis i politicheskii povorot v Ispanii [Crisis and political turn in Spain]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2012, N 4, pp.25-42 (In Russ).
2. Informe sobre la democracia en España 2012. Madrid. 2013.
3. Metroscopia. Clima Social. Junio 2011. Available at: <http://metroscopia.org/wp-content/uploads/2011/06/INFORME-Clima-Social-24%C2%AA-Oleada-junio-2011.pdf> (accessed 10.12.2019).
4. Lorente Ferrer J.R. Crónica del cambio electoral 2008-2012. Madrid, Los libros de Catarata, 2012, 160 p.
5. Ferrándiz J.P. La década del gran cambio. El cambio hacia el cuatripartidismo en España. Madrid, 2018, Biblioteca nueva, 331 p.
6. C.E. Bayo. La desmolvización de los jóvenes derribó el reinado electoral de PP y PSOE en 2010-2014. *Público*. 17.02.2018.
7. Urquizu I. La crisis de representación en España. Madrid, Los libros de Catarata, 2016, 176 p.
8. Lucio L. Moreno abre un ciclo nuevo en Andalucía con el apoyo de PP, Ciudadanos y Vox. *El País*. 17.01.2019. Available at: http://elpais.com/politica/2019/01/16/actualidad/1547657697_139882.html (accessed 12.05.2019).
9. Хенкин С.М. Испания: партийное соперничество и электоральные перипетии. *Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций*. Коллективная монография. Отв.ред. Яковлева Н.М. Москва, ИЛА РАН, 2017, сс. 46-68. [Khenkin S.M. Ispaniya: partiynoye sopernichestvo i electoralnyie peripetii. [Spain: party rivalry and electoral peripetia]. *Ispaniya y Portugaliya v epohu globalnyh transformaciyy*. Kollektivnaya monografiya [Spain and Portugal in the era of global transformation]. Moscow, ILA RAN, 2017, pp. 46-68.
10. Pablo Iglesias e Irene Montero compran un chalet de más de 600.000 euros en la sierra de Madrid. *El Mundo*. 17.05.2018. Available at: <http://www.elmundo.es/loc/famosos/2018/05/16/5afc052322601d31768b4641.html> (accessed 12.05.2019).

11. Cue C. El nivel récord de indecisos empuja hacia una campaña feroz. *El País*. 14.04.2019. Available at: elpais.com/politica/2019/04/13/actualidad/1555140133_667490.html (accessed 12.05.2019).

12. Noceda M.A. Los empresarios reclaman una alianza del PSOE con Ciudadanos. *El País*. 29.04.2019. Available at: https://elpais.com/economia/2019/04/29/actualidad/1556538207_860534.html (accessed 12.05.2019).

Alexandra A. Kurakina-Damir (kurakina.alex@gmail.com)

Cand.Sci.(Policy), Senior Researcher at Centre for Iberian Studies of Institute for Latin America of RAS

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Spain: election process during parliament fragmentation

Abstract. The crisis of representativeness that Spain faced after the economic crisis led to political apathy of voters and the outflow of a significant part of the electorate of the two leading political parties in the country. Against this background, in the middle of the second decade of the current century, two new parties appeared, delaying 30% of all voters. In addition, as a result of the escalation of the Catalan crisis, regional parties in recent years have been gaining strength in favor of the secession of the region. These factors led to a significant increase in the fragmentation of the lower house of the Spanish parliament and, as a result, significantly complicated the political process, in some cases actually blocking it. Under the new conditions, 4 general parliamentary elections were held (2015, 2016, 2019, 2019), 2 of which were repeated because of the inability to form a cabinet. On the one hand, the expansion of party proposals has a beneficial effect on voters' perceptions, on the other, the reluctance, and in some cases, it is impossibility, of party leaders to seek compromise solutions entails serious political and economic consequences. It is also obvious that the institutional mechanisms adopted at the dawn of a democratic transition and functioning perfectly in the conditions of a two-party system for almost 40 years do not work in a multi-party system and require reform.

Key words: Spain, elections, multi-party system, fragmentation, forming a cabinet, Catalonia

DOI: 10.31857/S0044748X0008705-4

Received 15.12.2019.